

I, AZIMOV

A MEMOIR

Я, АЗИМОВ

Перевод с английского
Сергея Карпова

Individuum
Москва, 2026

МЕМОУАРЫ

УДК 82-94
ББК 83.3
А35

Азимов, Айзек.

А35 Я, Азимов. Мемуары / Айзек Азимов; [пер. с англ. С. Карпов] — М.: Individuum, Эксмо, 2026. — 576 с.

ISBN 978-5-6047190-5-3

Айзек Азимов — один из самых влиятельных писателей современности. Он придумал три закона робототехники (и сам термин), которые становятся все актуальнее, чем ближе мы подходим к изобретению настоящего искусственного интеллекта. Азимов успел выпустить больше 500 книг — созданные им миры заслужили множество литературных наград и до сих пор экранизируются, вдохновляя новые поколения.

В своих мемуарах Азимов делится с читателями не только историей собственной жизни, но и мыслями, эмоциями, мнениями. Полушуточное соперничество с Артуром Ч. Кларком, работа над циклом «Основание» и отношения с дочерью — все эти и многие другие темы Азимов описал в своей последней книге. Полный юмора, ностальгии и самоиронии, его автопортрет вышел максимально искренним и реалистичным.

УДК 82-94
ББК 83.3)

© Copyright 1994 by estate of Isaac Azimov

© С. Карпов, перевод, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-6047190-5-3

Individuum®

Посвящается

Джанет — моей дорогой жене,
спутнице жизни и единомышленнице

Оглавление

- Введение 11
1. Вундеркинд? 13
 2. Мой отец 16
 3. Моя мать 18
 4. Марсия 20
 5. Религия 23
 6. Мое имя 26
 7. Антисемитизм 31
 8. Библиотека 36
 9. Книжный червь 41
 10. Школа 44
 11. Взросление 47
 12. Долгие часы работы 49
 13. Бульварное чтиво 51
 14. Научная фантастика 56
 15. Начало писательства 60
 16. Унижение 62
 17. Неудача 67
 18. Футурианцы 73
 19. Фредерик Пол 77
 20. Сирил М. Корнблат 79
 21. Дональд Аллен Уоллхейм 81
 22. Первые продажи 83
 23. Джон Вуд Кэмпбелл-младший 86
 24. Роберт Энсон Хайнлайн 89
 25. Лайон Спрэг де Камп 93
 26. Клиффорд Дональд Саймак 95
 27. Джек Уильямсон 97
 28. Лестер дель Рей 98
 29. Теодор Старджон 101
 30. Аспирантура 103
 31. Женщины 107
 32. Разбитое сердце 109
 33. «Приход ночи» III
 34. Начало Второй мировой войны 114
 35. Магистр искусств 115
 36. Перл-Харбор 117
 37. Брак и проблемы 118
 38. Родственники 123
 39. NAES 127
 40. Жизнь в конце войны 132
 41. Игры 137
 42. Акрофобия 139
 43. Клаустрофилия 143
 44. Докторская степень и публичные выступления 146
 45. Постдокторантура 150
 46. Поиск работы 152
 47. Большая тройка 153
 48. Артур Чарльз Кларк 155
 49. Снова о семье 157

8 • *Оглавление*

50. Первый роман 161
51. Наконец-то новая работа 163
52. Doubleday 165
53. Gnome Press 171
54. Школа медицины Бостонского университета 173
55. Научные статьи 177
56. Романы 180
57. Нон-фикшн 184
58. Дети 187
59. Дэвид 188
60. Робин 190
61. На лету 193
62. Гораций Леонард Голд 202
63. Жизнь за городом 206
64. Автомобиль 208
65. Уволен! 209
66. Плодовитость 214
67. Проблемы писателя 220
68. Критики 224
69. Юмор 227
70. Секс в литературе и цензура 231
71. Судный день 235
72. Стиль 236
73. Письма 238
74. Плагиат 245
75. Научно-фантастические конвенции 250
76. Энтони Бучер 252
77. Рэндалл Гаррет 256
78. Харлан Эллисон 259
79. Хэл Клемент 261
80. Бен Бова 262
81. Выше головы 264
82. Прощай, фантастика 266
83. The Magazine of Fantasy and Science Fiction 268
84. Джанет 271
85. Детективы 275
86. Лоуренс П. Эшмид 280
87. Лишний вес 282
88. Еще о конвенциях 284
89. «Путеводитель по науке» 285
90. Алфавитные указатели 291
91. Названия 292
92. Сборники статей 294
93. Книги по истории 299
94. Библиотека справочной литературы 301
95. Коллекция Бостонского университета 304
96. Антологии 306
97. Введения 309
98. Мои «Хьюго» 311
99. Walker & Company 314
100. Неудачи 319
101. Подростки 321
102. Эл Кэпп 322
103. Оазисы 328
104. Джуди-Линн дель Рей 333
105. Библия 339
106. Сотая книга 341
107. Смерть 342
108. Жизнь после смерти 349
109. Развод 352
110. Второй брак 354
111. «Путеводитель по Шекспиру» 359

112. Примечания	360	140. Бестселлер	477
113. Новые родственники	364	141. Из прошлого	483
114. Больницы	370	142. Текстовый процессор	485
115. Круизы	375	143. Полиция	489
116. Книги Джанет	380	144. Хайнц Пагельс	492
117. Голливуд	383	145. Новые романы
о роботах	496
118. Конвенции по «Стар
Треку»	387	146. Снова о Робин	500
119. Детективные
рассказы	389	147. Тройное
шунтирование	501
120. «Пауки-затворники»	395	148. Азazel	512
121. «Менса»	398	149. «Фантастическое
путешествие II»	515
122. Клуб «Угощение
по-голландски»	401	150. Лимузины	520
123. «Добровольцы Бейкер-
стрит»	405	151. Гуманисты	521
124. Общество Гилберта
и Салливана	408	152. Пенсионер	524
125. Другие клубы	410	153. Снова о Doubleday	525
126. American Way	411	154. Интервью	528
127. Институт Ренсселера	413	155. Почести	530
128. Mohonk Mountain
House	418	156. Русские
родственники	533
129. Путешествия	420	157. Грандмастер	535
130. Путешествия
за границу	427	158. Детские книги	538
131. Мартин Гарри
Гринберг	436	159. Недавние романы	541
132. Isaac Asimov's Science
Fiction Magazine	443	160. Обратнo
к нехудожественной
литературе	542
133. Автобиография	448	161. Роберт Силверберг	546
134. Сердечный приступ	453	162. Собираются тени	550
135. Crown Publishers	460	163. Дни наши — семьдесят
лет	553
136. Simon & Schuster	463	164. Больница	560
137. Косвенное участие	467	165. Новая
автобиография	564
138. Nightfall, Inc.	473	166. Новая жизнь	568
139. Хью Даунс	474	Эпилог	571

Введение

В 1977 году я написал автобиографию. Взявшись за любимую тему, я изрядно разошелся и выдал 640 тысяч слов. В издательстве Doubleday ко мне всегда были необычайно добры, поэтому опубликовали всё — но в двух томах. Первый — «Пока память зелена» («In Memory Yet Green», 1979), второй — «Пока восторг ощутим» («In Joy Still Felt», 1980). Вместе они довольно подробно описывают пятьдесят семь лет моей жизни.

Жизнь эта была тихой, без особых приключений, и, хоть я компенсировал их отсутствие, как мне кажется, очаровательным литературным стилем (скоро вы поймете, что ложной скромностью я не страдаю), выход книг не потряс мир. Однако их с удовольствием прочитали несколько тысяч человек, и меня периодически спрашивают, будет ли продолжение.

Я всегда отвечаю: «Сперва надо его прожить».

Я вбил себе в голову, что должен дожидаться символического 2000 года (такого важного для фантастов и футурологов) и лишь тогда продолжить мемуары. Но в 2000-м мне исполнится восемьдесят лет — вполне возможно, я до тех пор не дотяну.

Когда прямо перед семидесятилетием я довольно тяжело заболел, моя дорогая жена Джанет строго сказала: «Начинай третий том сейчас же».

Я робко возразил, что в последние двенадцать лет моя жизнь была еще тише обычного. О чем тут рассказывать? В ответ она заметила, что первые два тома автобиографии выстроены строго хронологически. Я перечислял все события точно по календарю (спасибо дневнику, который я веду с восемнадцати лет, не говоря уже о моей превосходной памяти), а о внутреннем мире почти ничего

не говорил. И в третьем томе ей хотелось бы увидеть что-то другое: ретроспективу, в которой события отступают на второй план перед моими мыслями, реакциями, философией жизни и так далее.

— Но кому это интересно? — спросил я еще более робко.

И она решительно заявила (поскольку говорит обо мне с еще меньшей ложной скромностью, чем я сам):

— Всем!

Вряд ли она права, но вдруг? Так что стоит попытаться. Не хочу начинать с того, на чем остановился в прошлый раз. Вообще-то это даже опасно. Первых двух томов уже давно нет в продаже, так что многие, кому понравится этот (чем черт не шутит), не смогут найти их ни в твердой, ни в мягкой обложке и всерьез на меня обидятся.

Так что я собираюсь описать всю свою жизнь через призму собственных размышлений в виде независимой, отдельной автобиографии. Я не намерен вдаваться в подробности, изложенные в первых двух томах. Я разобью эту книгу на множество глав — каждая из них будет посвящена какому-либо жизненному этапу или человеку, повлиявшему на меня. И постараюсь придерживаться этого принципа до конца — вплоть до настоящего момента, если потребуется.

Верю и надеюсь, что так я раскроюсь перед вами во всех подробностях и, кто знает, возможно, даже кому-то понравлюсь. Меня бы это очень порадовало.

I. Вундеркинд?

Я родился в России 2 января 1920 года, но мои родители эмигрировали и прибыли в Соединенные Штаты 23 февраля 1923 года. А значит, я с трех лет американец по сути (а по прошествии пяти лет, с сентября 1928 года, еще и по гражданству).

Я практически ничего не помню о первых годах в России; не говорю по-русски; не знаком (за исключением того, что знает любой образованный американец) с русской культурой. Я целиком и полностью американец по воспитанию и мироощущению.

Но, если я сейчас буду рассказывать о себе в трехлетнем возрасте и позже — а я это время помню, — неизбежно придется делать такие заявления, из-за которых меня всегда называют «эгоистичным», «тщеславным» или «самовлюбленным». А ради красного словца могут сказать, что у меня «эго размером с Эмпайр-стейт-билдинг».

Но что поделывать? Не скрою, я высоко ценю себя, но только из-за качеств, которые, на мой взгляд, заслуживают восхищения. У меня есть немало изъянов и недостатков, я их спокойно признаю, но вот этого как раз почему-то никто не замечает.

Так или иначе, если я говорю что-то с виду «тщеславное», то, заверяю вас, это правда, и я отказываюсь выслушивать обвинения в тщеславии, пока кто-нибудь не докажет, что я солгал.

Поэтому сделаю глубокий вдох и заявлю: я — вундеркинд.

Не знаю, есть ли у этого слова подходящее определение. Оксфордский словарь говорит, что вундеркинд — это «ребенок, гениальный с раннего возраста». Но насколько раннего? Насколько гениальный?

Вы, возможно, слышали про детей, которые начинают читать в два года, знают латынь к четырем, а в Гарвард поступают в двенадцать. Наверное, это истинные вундеркинды, и в таком случае я не из них.

Пожалуй, будь мой отец американским интеллектуалом, обеспеченным и погруженным в исследования классической литературы или естественных наук, и заметь он во мне кандидата в вундеркинды, он стал бы мной заниматься и добился бы чего-то в этом роде. Могу только благодарить судьбу, что меня минула чаша сия.

Принужденный, доведенный до пределов возможного, ребенок может сломаться от давления. Но мой отец был мелким лавочником без знания американской культуры, без лишнего времени на мое обучение и без особых на то способностей, даже если бы время вдруг нашлось. Он мог только побудить меня хорошо учиться в школе, а я и так собирался это делать.

Другими словами, все сошлось так, что я сам нашел комфортный режим, в котором я и вундеркиндом стал, и сам поддерживал давление, позволявшее быстро продвигаться вперед без малейшего напряжения. Так я сохранял свою «гениальность» в том или ином виде всю жизнь.

Более того, когда меня спрашивают, не был ли я вундеркиндом (а меня спрашивают, причем до неприличного часто), я по привычке отвечаю: «И был, и есть».

Читать я научился еще до школы. Осознав, что родители до сих пор не могут читать на английском, я попросил соседских детей научить меня алфавиту и звучанию каждой буквы. Потом начал проговаривать вслух слова на вывесках и вот так научился читать почти без посторонней помощи.

Когда отец узнал, что его сын-дошкольник умеет читать, и, главное, когда, после расспросов выяснил, что учился я по собственному почину, он изумился. Возможно, тогда он и заподозрил, что я необычный. (Он верил в это всю жизнь, хотя это и не мешало ему критиковать меня за множество недостатков.) Из-за веры отца в то, что я необычный, и из-за того, что он об этом сказал напрямую, я и сам впервые об этом задумался.

Надо думать, в мире хватает детей, которые научились читать до школы. Например, моя сестра, но ее учил я. Меня не учил никто.

Когда в сентябре 1925-го я наконец пошел в первый класс, то поразился, как трудно остальным дается чтение. Еще

больше меня озадачивало, что другие дети всё забывали, когда им что-то объяснили, и тогда приходилось объяснять еще и еще.

Вот этот момент, думаю, бросился мне в глаза очень рано: в моем случае достаточно сказать всего раз. Я и не знал, что у меня выдающаяся память, пока не заметил, что у моих одноклассников с этим гораздо хуже. Сразу поясню: «фотографической памяти» у меня нет. В ней меня не раз обвиняли те, кто восхищается мной больше, чем я того заслуживаю, но я всегда отвечаю: «У меня всего лишь почти фотографическая память».

Вообще-то, на не особенно интересные мне вещи память у меня вполне обычная, если не хуже. Происходят даже жуткие оплошности, когда я слишком ухожу в себя. (А я поразительно увлечен собой.) Однажды я увидел, но не узнал свою прекрасную дочь Робин. Не ожидая встречи с ней, я различил только смутно знакомое лицо. Робин нисколько не обиделась и даже не удивилась. Она повернулась к подруге и сказала: «Вот видишь, я же говорила: если я буду просто стоять и молчать, он меня даже не узнает».

Но, если меня что-то интересует — а такого хватает, — я это вспоминаю практически мгновенно. Однажды, когда меня не было в городе, моя первая жена Гертруда поспорила о какой-то мелочи со своим братом Джоном, и малышку Робин, тогда лет десяти, послали в мой кабинет за нужным томом «Британской энциклопедии».

Робин подчинилась, но возмутилась: «Вот бы папа был дома. Он бы вам и так все сказал».

Конечно, во всем этом есть свои трудности и недостатки. Может, я и одарен чудесной памятью и сообразительностью с раннего возраста, зато обделен обширным опытом и глубоким пониманием человеческой натуры. Мне было и невдомек: другие дети не оценят, что я знаю больше, чем они, и гораздо быстрее учусь.

(И почему это, интересно, среди школьников ребенок с выдающимися спортивными способностями — объект почитания, а ребенок с выдающимися интеллектуальными способностями — ненависти? Существует какое-то негласное правило, что человека определяют мозги, а не мускулы? И если ребенок плох в спорте, то он просто плох, а если он не блещет умом, то сразу чувствует себя недочеловеком? Не знаю.)

Беда в том, что я не пытался скрывать блестящий интеллект. Я демонстрировал его в классе каждый день и ни разу — ни разу — даже не подумал «скромничать». Я все время радостно давал понять окружающим, как я умен, и сами можете догадаться, к чему это привело.

Результат предсказуем, тем более для своего возраста я был маловат и слабоват, да еще и младше остальных одноклассников (в итоге — на два с половиной года, потому что периодически перескакивал классы и все равно оставался «самым умным»).

Надо мной издевались. Естественно.

В конце концов я понял причину, но еще много лет не мог с этим смириться, потому что никак не получалось заставить себя скрывать гениальность. Поэтому надо мной издевались — хотя с каждым годом всё меньше и меньше — вплоть до двадцати лет. (Впрочем, не стоит сгущать краски. Физическому насилию я не подвергался. Ровесники просто меня высмеивали, обзывали и бойкотировали — все это я вполне мог вынести без особых переживаний.)

Но я все-таки кое-что усвоил. То, что я необычный, до сих пор невозможно скрыть, учитывая, сколько книг я написал и издал, а также как много тем в них затронул, но в обычной жизни я научился держать себя в руках. Научился «отключать гений» и общаться с людьми на равных.

В результате у меня появилось множество друзей, с которыми я поддерживаю очень теплые отношения.

Вот бы вундеркинды рождались не только с отличной памятью и высоким интеллектом, но и с пониманием человеческой природы. Но не все дается от рождения. Самые главные черты развиваются постепенно, с опытом, и везет на самом деле тому, кто усвоил их быстрее и проще, чем я.

2. Мой отец

Мой отец, Юда Азимов, родился в России, в селе Петровичи*, 21 декабря 1896 года. Он был смышленным молодым человеком,

* Село Петровичи располагалось в Смоленской губернии, а в настоящее время в Шумячском районе Смоленской области. — Прим. ред.

получившим полное образование в рамках ортодоксального иудаизма. Усердно изучал «священные тексты» и бегло говорил на литвакском (литовском) диалекте иврита. Позднее в наших беседах он с удовольствием цитировал на иврите Библию или Талмуд, а потом переводил для меня на идиш или английский и объяснял смысл.

Было у него и светское образование — он с легкостью говорил, читал и писал на русском, хорошо разбирался в русской литературе. Рассказы Шолом-Алейхема он знал практически наизусть. Помню, как-то раз он процитировал мне один — на идише, понятном мне языке.

Он достаточно хорошо знал математику, чтобы вести учет в семейном деле своего отца. Мрачные дни Первой мировой войны он пережил, каким-то образом избежав службы в русской армии. И это хорошо, иначе, вероятно, он бы погиб, и я бы не родился. Пережил отец и послевоенные беспорядки, а на моей матери женился где-то в 1918-м.

До 1922 года, несмотря на тяготы войны, революции и гражданских волнений, ему неплохо жилось в России — хотя, конечно, кто знает, что бы случилось с ним и со мной в еще более мрачные дни сталинской тирании, Второй мировой войны и нацистской оккупации наших родных мест.

К счастью, об этом можно не задумываться, потому что в 1922 году сводный брат моей матери Иосиф Берман, за несколько лет до того перебравшийся в Соединенные Штаты, пригласил нас переехать, и родители после долгих и мучительных размышлений так и поступили. Решение далось им непросто. Пришлось бы покинуть село, где они провели всю жизнь, где оставались все их родные и друзья, и отправиться в неизвестные края.

Но родители рискнули и успели как раз вовремя, потому что уже в 1924 году ввели строгие миграционные квоты и нас бы просто не впустили.

Отец приехал в США с надеждой на лучшую долю для своих детей — и ее он явно добился. Еще при жизни он увидел, как один его сын стал известным писателем, второй — успешным журналистом, а дочь обрела счастье в браке. Однако это дорого ему обошлось.

В России отец принадлежал к зажиточной купеческой семье. В Штатах он оказался без гроша. В России он считался образованным человеком, которого уважали за знания. В Штатах он оказался практически безграмотным, потому что не писал и даже не говорил на английском. А главное, его образование ни в грош не ставили светские американцы. На него смотрели свысока, как на невежественного иммигранта.

Все тяготы он переносил без жалоб, потому что сосредоточил силы на мне. Я должен был воздать за всё — и я сумел это сделать. С тех пор как с возрастом пришло понимание, на какие жертвы отцу пришлось пойти, я испытываю к нему неизменную благодарность.

В Штатах он брался за любую работу: продавал по домам губки, демонстрировал пылесосы, работал на производстве обоев, а потом — в мастерской по пошиву свитеров. Через три года отец скопил на первоначальный взнос для открытия семейной кондиционной, чем обеспечил и определил наше будущее.

Как я уже говорил, отец никогда не требовал от меня блестящих результатов. И никогда не наказывал: это он оставлял матери — она умела мне хорошенько всыпать. А сам, если я не слушался, довольствовался лишь долгими нотациями. Пожалуй, вынести взбучку от матери было легче, но я всегда понимал, что отец меня любит, даже если ему трудно передать это словами.

3. **Моя мать**

Моя мать — урожденная Анна Рахиль Берман. Ее отец — Исаак Берман. Он умер, когда она еще была маленькой, и меня назвали в его честь.

Мать выглядела как типичная русская крестьянка и ростом была всего полтора метра, она освоила грамоту, могла читать и писать как по-русски, так и на идише.

И здесь я хочу пожаловаться на родителей. Когда они хотели тайком обсудить между собой что-то не предназначенное для моих больших ушей, они разговаривали на русском. А если бы бросили глупую привычку так секретничать и разговаривали по-русски со мной, я бы впитал его как губка и овладел еще одним международным языком.

Но не судьба. Думаю, отец просто хотел, чтобы я выучил английский как родной язык, не отвлекаясь на другой, и стал настоящим американцем. Что ж, так и вышло, а раз я все равно считаю английский самым восхитительным языком в мире, пожалуй, оно и к лучшему.

Не считая умения читать, писать и считать — в пределах, необходимых для работы кассиром в лавке ее матери, — моя мать осталась безграмотной. Ортодоксальный иудаизм просто не предполагал обучения для женщин. Она не знала иврита и не получила светского образования.

И все-таки я не раз слышал, как она посмеивается над почерком моего образованного отца — и, думаю, вполне заслуженно. Судя по моему опыту, у женщин почерк почему-то красивее и разборчивее, чем у мужчин. Например, в сравнении с почерком сестры мой — кривой, как у полуграмотного. Поэтому я бы не удивился, если бы мать писала по-русски элегантнее отца.

Роль моей матери в жизни можно описать одним словом: «работа». В России она была старшей среди множества братьев и сестер, и ей приходилось заботиться обо всех в придачу к работе в лавке. В Штатах она воспитывала троих детей и бесконечно трудилась в кондитерской.

Она отлично понимала ограниченность своей жизни и отсутствие той свободы, что была у других. Часто она предавалась жалости к себе, и, хотя я ее ни в чем не виню, чаще всего ее слезливые речи приходилось выслушивать именно мне. А от ее недвусмысленных намеков, что и я — крест, который ей приходится нести, причем не самый легкий, — меня переполняло чувство вины.

Из-за тяжелой жизни она стала вспыльчивой и гнев тоже вымещала главным образом на мне. Не стану отрицать, я не раз давал повод, но была она меня часто и безо всякой жалости. Это не значит, что она не любила меня до умопомрачения, — любила. Жаль только, не могла показать этого как-то иначе.

Ей так и не выпала возможность научиться хорошо готовить. Стряпать из-за работы в кондитерской приходилось на скорую руку, поэтому на протяжении всей юности (на самом деле, вплоть до свадьбы) я ел только жареное, время

от времени — отварную говядину или курятину с картошкой. Овощами мы питались редко, зато налегали на хлеб. Впрочем, не жалуясь. Мне нравилось.

Но, думаю, из-за стряпни моей матери я и начал вести образ жизни, который привел меня к проблемам с коронарными артериями в преклонном возрасте. А с другой стороны, ее блюда подвигали мой желудок таким тяжелым испытаниям, что теперь я могу переварить что угодно.

Были у матери и фирменные блюда — тертая редиска с луком и вареными яйцами доставляла мне райское наслаждение, но, если питаться так целую неделю, люди начнут обходить тебя стороной.

Еще она готовила холодец из говяжьей голяшки с луком, яйцами вкрутую и бог знает чем еще. Называлось это «пчях»*, и я бы отдал за него весь Элизий. Даже после свадьбы мне время от времени перепал целый тазик пчаха. Конечно, это блюдо на любителя — и в один не самый прекрасный день моей жене Гертруде оно пришлось по вкусу. Моя доля тут же урезалась наполовину. Я с грустью вспоминаю последний пчях, приготовленный для меня матерью.

Моя нынешняя жена Джанет, самая дорогая для меня женщина на свете, старательно нашла рецепт и даже сейчас время от времени готовит мне пчях. Вкусно, но, боюсь, все же не как у мамы.

4. Марсия

Мое детство прошло в обществе младшей сестры Марсии, родившейся 17 июня 1922 года в России и оказавшейся в Штатах в восьмимесячном возрасте. Она часто жалуется, что я редко рассказываю о ней в своих произведениях — и тут она права. Но в 1974 году я выпустил книгу, где все-таки упомянул о ней и о том, что она родилась в России.

* В оригинале Айзек Азимов использует слово «рчях», но в английском больше распространено написание «ptcha», так и в русском это блюдо называют «пчях» или «птча». Это традиционное ашкеназское заливное блюдо. — Прим. ред.